

Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра)

В русской диалектографии постепенно утверждается жанр идиолектного словаря. Известно уже несколько изданий этого рода.

Первым, почти полвека назад, появился «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (Шадринск, 1971), далее, с большим перерывом во времени, вышел «Словарь диалектной личности» В. Д. Лютиковой (Тюмень, 2000). (Стоит отметить, что оба словаря опираются на записи речи диалектоносительниц, живших в одном и том же Шатровском районе Курганской области, в населённых пунктах, находящихся на расстоянии друг от друга приблизительно 31–32 километра по прямой.) В обзорах и рецензиях в обязательном порядке к названной категории лексиконов относят также «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е. А. Нефёдовой (Москва, 2001), «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г. А. Толстовой (Красноярск, 2004), «Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» Е. В. Иванцовой (Томск, 2005). Из названных словарей три последние не совсем отвечают целям настоящих заметок: основанные каждый на записях материала от одного лица, они имеют дело с функционально и прагматически обособленным языковым материалом в одном случае, с сильными жанровыми и синтаксическими ограничениями на него в другом; «Словарь Агафьи Лыковой» имеет источником только письменную речь информантки, которая принадлежит старообрядческой конфессии и большую часть жизни провела в семье отшельников, в изоляции от общества.

Позже В. П. Тимофеевым, в соавторстве с О. В. Тимофеевой, было принято второе издание (или второй выпуск?) «Словаря диалектной личности», переработанное и значительно, в четыре раза, расширенное за счёт переориентации на словарь одной семьи.

С ним в жанрово-концептуальном отношении соприкасается «Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)» Е. Е. Королёвой (ч. 1–2, Даугавпилс, 2000).

Все перечисленные словари являются дифференциальными по своим установкам.

Конечно, необходимость и разнообразную пользу таких изданий (независимо от их лексикографических достоинств¹) отрицать никто не станет. Но

---

¹ Об удручающе низком качестве словаря, написанного проф. В. Д. Лютиковой, я уже имел возможность высказаться (см.: А. Ф. Журавлев. Эволюции смыслов. М., 2016: 215 и

вопрос в том, правомерно ли дифференциальные идиолектные лексиконы называть словарями личности. Личность носителя диалекта в лингвистическом (и даже если брать узко — в лексическом и фразеологическом) плане реализуется вовсе не только в территориально ограниченном вокабуляре, в особых значениях и устойчивых словосочетаниях, не известных литературному изводу, но и во всём складе речи, включая в него и общераспространённую лексику. Неповторимый характер взаимодействия в с е х составляющих индивидуального дискурса (лексика и лексическая семантика, фразеология, словообразовательный арсенал, морфологические варианты, акцентологические факты, синтаксические потенции слова и проч.) должен рассматриваться как база для создания словаря личности в подлинном смысле. Работы в этом жанре, ориентированные на показ лишь некоторой, хотя бы и чрезвычайно важной для обрисовки конкретного *hominis loquentis*, доли его лексического фонда, являются скорее предварительными набросками, чем полноценными «языковыми портретами». Ещё более очевидно, что лишь полноохватный словарь языка отдельной личности может быть положен в основу реконструкции отражаемой в лексике индивидуальной модели мира.

Исследователи индивидуальных дискурсов в рамках письменно-литературного языка, то есть «авторских стилей», необходимость обращения к полнообъёмному словарю изучаемого писателя поняли намного раньше. Но им и легче: «элитарный» носитель языка что называется на виду, вырисовывается рельефнее «типичного», в письменном режиме сознательный словесный отбор составляет важнейший принцип порождения речи. Диалектологи же, стоя перед привлекательностью сходной идеи словаря индивида-диалектоносителя, долго толклись в неясном пространстве — в ситуации, которая характеризовалась даже невнятицей применяемых терминов. Так, В. П. Тимофеев в противоречивой вводной статье к своему безусловно дифференциальному словарю говорит о нём как о «полном», имея в виду малопонятное «максимальное количество диалектных слов в речи одного лица» (с. 7); сам словарь Тимофеева, объёмом в 90 страниц, правда, мелким кеглем, включает 2792 словарных единицы².

др.). Тем не менее как источник сведений о диалектной лексике представляют интерес и подобные словарные регистрации.

² Для сравнения: в словаре В. Д. Лютиковой, похожем по импульсам к возникновению и по построению, регистрируется, как подсчитала составительница, 3407 единиц «только диалектной лексики и фразеологии». Давно отмеченный эффект некомплектности, недотягивания словника практически любого сколько-нибудь обширного диалектного словаря до реального объёма региональной лексики и фразеологии, находимых в текстуальных иллюстрациях к нему, сказался и в обсуждаемых изданиях. И в том и в другом лексиконах насчитываются

Поэтому до поры до времени необращение к жанру исчерпывающего диалектного идиолексикона делало проблему словаря личности как такового почти беспредметной. В рамках работы над словарным описанием говора пермской деревни Акчим (под руководством Ф. Л. Скитовой) ещё полвека назад выдвигалась задача составления индивидуального лексикона жительницы этой деревни (А. К. Горшковой), но работа над ним не завершилась и, по имеющимся сведениям, застопорилась на этапе формирования картотеки.

Сейчас положение изменилось. Не может не обнадёжить появление пока ещё уникального для русской диалектографической традиции «Полного словаря диалектной языковой личности» (жительницы с. Вершинино Томской области В. П. Вершининой) под ред. Е. В. Иванцовой (т. 1–4, Изд-во Томского университета, 2006–2012; далее — Вершининский словарь).

В связи с названными словарными изданиями возникают уже основательные попытки теоретического осмысления проблемы «диалектной языковой личности» — у нас преимущественно в контексте идей антропоцентризма, «антропологической лингвистики», адресуясь большей частью к доктрине Ю. Н. Караулова³. Но здесь языковую личность как широкую конечную цель нужно оставить психолингвистике, социолингвистике, когнитологии, культурной антропологии и другим связанным с языкознанием дисциплинам и попытаться осознать существенность собственно лексикографической стороны дела.

Рефлексии по поводу предмета, о котором идёт речь, довольно многочисленны, они осуществляются как, естественно, составителями словарей диалектной личности («изнутри»), так аналитиками ситуации «извне». Очень часто параметры диалектного словаря личности рассматриваются в одной упряжке или по меньшей мере на фоне литературноязыковой авторской лексикографии (проводятся параллели с идиолектными словарями Пушкина, Достоевского и множества иных).

десятки не включённых в заголовочные единицы диалектных слов, фразеологизмов и не распознанных составителями отличных диалектных (или идиолектных) значений.

³ См.: Ю. Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; О. А. Еремеева. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1, ч. 2; Е. В. Иванцова. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002; Л. Г. Гынгазова. Идиолектная личность в аспекте языковой картины мира: подход к описанию // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург, 2004; Е. В. Иванцова. Проблемы изучения языковой личности. Учебное пособие к спецкурсу. Томск, 2005; Е. В. Иванцова. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010, № 4 (12).

Среди нефилологов до сих пор преобладает понимание диалектного словаря как справочника — если не подобия «словарям» в помощь разгадывателям кроссвордов, то как г л о с с а р и я. Нефилолог как правило не задумывается о собственно научном назначении региональной лексикографии, полагая, что основной или исключительной задачей диалектных словарей является разъяснение любознательному читателю встретившегося ему непонятого слова, которое ограничено узким территориальным и социальным бытованием. Такой взгляд, помимо прочего, поддерживается особым лексикографическим (или «сублексикографическим»?) жанром — пояснительным реестром местных слов, который прилагается к текстам прозаика или стихотворца, склонного к обильному использованию регионализмов, при этом перечни указанного рода составляются и издателями (к сочинениям Тургенева, Есенина, Шолохова и др.), и, не так уж редко, самими авторами (ср. списки толкований украинизмов у Гоголя, олонечских диалектизмов в «Погорельщине» Клюева, примечания к «Бухтинам вологодским» Белова и т. д.).

Кроме того, пересказанное профаническое отношение к диалектным словарям усиливается ложным, но удивительно живучим, разделявшимся даже диалектографами-собираателями и профессиональными языковедами представлением о том, что местные говоры являются результатом п о р ч и языка. И если некоторые суждения подобного рода (например, в предисловиях к «Опыту областного великорусского словаря» или смоленскому лексикону Добровольского) отражают недостаток научной рефлексии, заметный на этапах становления диалектологии, то в идеологических погромах 30-х годов XX века, которые устраивались вульгарным марксистом Ф. П. Филиным и его подручными, они носят откровенно злонамеренный характер. Пренебрежительность нефилолога по отношению к территориальным говорам, недооценка их самостоятельности в границах исполняемых функций поддерживается высокомерным и порочным в своей основе противопоставлением диалектов литературному идиому (например, в часто и охотно цитировавшемся ранее высказывании Горького, который, как известно, крестьянства не знал и относился к нему с презрением: «Деление языка на литературный и народный значит т о л ь к о то, что мы имеем, так сказать, “сырой” язык и обработанный мастерами»⁴).⁵

⁴ Н. С. Трубецкой, вспомним, эту обработку характеризовал иначе — как «насилование» и «коверкание», см. его популярную статью «Общеславянский элемент в русской культуре» (ВЯ, 1990, № 2: 126).

⁵ Оценка литературного языка как «богатейшей сокровищницы» и проч. оправдывается лишь до некоторой степени — когда имеются в виду его суммарный тезаурус и реали-

С обращением к полному типу словаря мы, кажется, приближаемся к окончательному преодолению представления о диалектном словаре как справочнике, комментарии, глоссарии: чётче вырисовывается самодостаточность предмета и становится притягательной не достигавшаяся ранее степень системности в его отображении.

В ряду диалектных лексикографических жанров словарь личности занимает крайнюю позицию: если разновидности территориальных словарей выстраивать в некую последовательность, то на противоположном конце, по-видимому, окажется интегральный полиидиомный лексикон типа «Словаря русских народных говоров». Нетрудно заметить, что при движении от сводного словаря, охватывающего все диалекты данного языка, к словарю отдельного идиолекта степень системности возрастает⁶. Сводный лексикон — это словарь-коллекция, он внутренне разнороден и аморфен. А структурная связанность словарей узкого говора, одного населённого пункта или одного носителя диалекта гораздо более ощутима.

Большая часть узловых проблем, на которые обращается внимание диалектографа, рассуждающего об архитектурных принципах своего словаря, относится в равной мере и к построению словарей иных разновидностей.

Но теоретические рефлексии почти не касаются нюансов, которые порождаются самим жанром нелитературного идиолектного лексикона. Иногда такие моменты становятся предметом теоретического осмысления. Ср., например, в Вершининском словаре (1: 14): «...многие единицы словника лексикона диалектной личности представлены в них не во всех грамматических формах, особенно низкочастотные слова. Реконструкция парадигмы возможна далеко не всегда, поскольку это словарь одной личности, и личности диалектной. Диалектная норма в одних случаях неизвестна, в дру-

---

зация в речи элитарных носителей («мастеров слова», в частности выдающихся литераторов, блистательных университетских лекторов и под.). Она наталкивается на сильные идиосинкратические наклонности, свойственные унылому «среднему» носителю литературного языка, и вытекающую отсюда тенденцию к минимализации индивидуального словаря и выхолащиванию речи (в своё время я просил студентов показать, являются ли воплощением правильного и хорошего русского языка две фразы без заведомых примет нелитературности: одна в телевизоре была произнесена негодующей дамой интеллигентной наружности — *Превратили двор в общественный туалет!*; другая услышана в гостиничном кафе от доцента, кандидата филологии, преподавателя, насколько я осведомлён, стилистики и риторики — *Я взяла только вытечку и напиток*).

⁶ Вовсе не случайно самые первые крупные лексикографические труды, описывающие русскую диалектную лексику, — Опыт и Дополнение к Опыт — принадлежали именно типу сводного словаря.

гих может варьироваться. Метод опроса для выяснения парадигм словоизменения по отношению к диалектоносителю, не имеющему образования, не применим. Кроме того, при создании Словаря установкой являлась фиксация живой, непринуждённой, естественной речи языковой личности. Таким образом, составители остановились на варианте выборочной подачи грамматических форм». Составители Вершининского словаря в основу формирования его текстовой базы положили метод долговременного наблюдения над спонтанной речью информанта и в поисках материала почти не прибегали к методу опроса, справедливо стараясь свести вмешательство эксплоратора в естественное течение речи к минимальному уровню: присутствие наблюдателя искажает сам объект наблюдения. Ограниченность возможностей восстановления морфологических парадигм при оперировании фактами, записанными от одного лица, — не единственная трудность, сопряжённая с самим лексикографическим жанром и условиями его реализации. Круг таких специальных особенностей шире, хотя их вычленение из вороха вопросов более общего толка не так просто: эти особенности не наглядны, не лежат на поверхности.

В качестве примера я затрону только некоторые из них.

[i]

Заслуживает внимания вопрос о возможном и встречающемся неразграничении многозначности и экспрессивной многоприменимости слова. Особенно это касается, как я мог заметить, глагольной и признаковой лексики.

Вот пример. В «Словаре диалектной личности» В. Д. Лютиковой (дифференциальном) у экспрессивного глагола **навихаривать** отмечено 8 значений, которые описываются отдельно (с. 83):

- (1) 'работать' (*Давай навихаривай, нечѐ прохладиться*),
- (2) 'ходить' (*На ноге-то уж навихариват*),
- (3) 'бежать' (*Вон Нинка к Варе навихариват, да чѐ-то быстро*),
- (4) 'плясать' (*Как навихаривать на свадьбе, дак голоушка не болит, а как мыть, дак сразу заболела*),
- (5) 'ругать' (*А вот придѐт домой, дак мать и будет навихаривать*),
- (6) 'строить' (*На одной ноге, а сеновал навихариват*),
- (7) 'расти' (*Помидоры-те на земле-то вон чѐ навихаривают*) и
- (8) 'бить' (*Навихаривай его не навихаривай, всё одно не понимает*).

В общенародной лексике этому глаголу семантически весьма близки, если не эквивалентны, глаголы *наяривать* и *жарить/нажаривать* (разве что в последней фразе толкование 'бить' не выглядит обязательным: равным образом

говорящий мог понимать ‘брань, упрёки’ или ‘наказание, отличное от побоев’). Очень важно отметить, что все контекстные случаи записаны от одного человека. Более того, по другим диалектным источникам мне глагол *навихаривать* не известен⁷, в данном случае мы имеем дело с узкодиалектным или, не исключено, даже идиолектным образованием. И уже это настораживает. Если бы мы имели дело с перечнем словоупотреблений, записанных в разных говорах или даже в разных населённых пунктах, относимых к территории одного говора, то о цельности ряда говорить было бы теоретически хотя и правомерно, но всё же затруднительно, поскольку в каждом отдельном говоре глагол мог иметь единственное значение, которое и должно быть отражено словарём. Семантические «обобщения» в подобных ситуациях (с экспрессивными глаголами, в частности) представляют известный риск, и их лучше сторониться. Составители сводного СРНГ во многих случаях (не всегда, правда) именно так и поступают, что следует расценить как стратегически правильное решение. Но здесь дело обстоит иначе. Дробление семантики, с приписанием относительной самостоятельности каждому отдельному факту, не является необходимостью.

Я сделал такую проверку. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) представлено 150 цитат со словом *наяривать*. Если к ним подходить так, как это сделано в процитированном словаре В. Д. Лютиковой, можно выделить не менее 36 «значений» (якобы значений). Между тем в словаре Ушакова глаголу *наяривать* приписано только одно значение: ‘долго и усердно производить одни и те же движения...’ (дефиницию привожу не

⁷ В сводном «Словаре русских народных говоров» регистрируются, включая и показывая более ранних лексикографических публикаций, лексемы соверш. *навихать* перех. казан., влад. ‘натрудить, утомить ходьбой, работой (руки, ноги)’, ‘свихнуть’ (ногу), неперех. костром., влад. ‘поколотить, побить, надавать тумаков’, пенз. *навихаться* сов. ‘натрудиться, наломаться, устать от тяжелой работы, ходьбы’ (СРНГ 19: 169); семантически они соприкасаются с *навихаривать*. Западнорусские формы соверш. смол. *навухарить* ‘приободрить или подзадорить’, псков., смол. *навухрить* то же, ‘обучить; направить на путь истинный наставлениями или наказаниями’, -ся ‘обучиться чему-либо’ (СРНГ 19: 188) удалены от *навихаривать* и семантически, и, по-видимому, этимологически. Этимологическую общность с ним (входя в гнездо *вих(о)р-*) обнаруживают широкого ареала севернорусские (с уральскими, западносибирскими), но также псковские формы с префиксом *за-*: несоверш. *завихаривать*, *завихоривать*, *завихоровать*, *завихерить*, *завихторивать*, *завихуривать*, *завихтуривать*, соверш. *завихорить*, -ся в значениях ‘подниматься вихрем, кружиться’, ‘начать мятелить’, ‘быстро ехать, бежать, мчаться, нестись’, ‘быстро, порывисто пойти, побежать’, ‘делать что-либо быстро’, ‘быстро, жадно есть’, ‘вести бурную жизнь’, ‘кокетничать’ и др. (Опыт: 60; Дополнение к Опыт: 53; СРНГ 9: 319–320; Псковский словарь 11: 85–86; Словарь Русского Севера IV: 32; Архангельский словарь; Пермский словарь 1: 382).

целиком). Формулировка ушаковского лексикона неудовлетворительна, потому что под неё не подводятся контексты, где речь идёт, например, о свечении солнца или яркой иллюминации, об уходе за дамой и прочем, встречается даже творческое сочетание *наяривать заговор* (извлечённое из прозы Вячеслава Пьецуха): не во всех таких случаях идёт речь о повторяющихся механических движениях. Тем не менее сведение употреблений к единому значению возможно и необходимо, везде речь идёт об интенсивности какого-либо действия или процесса, о подчёркнутой его сконцентрированности; экспрессивный глагол *наяривать* применим к неопределимо большому числу возможных действий и рисуемых ситуаций.

Вот это, применительно к похожему глаголу, и следовало сформулировать в обсуждаемой словарной статье, сохранив, однако, все приведённые контексты в качестве иллюстраций. Нетрудно увидеть, что все контексты глагола *навихаривать* тесно привязаны к конкретной ситуации — либо упоминавшейся в предшествующих высказываниях, либо непосредственно наблюдаемой в момент речи. В таких случаях говорящий, гарантированно не беспокоясь о том, что собеседник может интерпретировать его речь превратно, прибегает к слову с размытой семантикой, но зато несущему нужную для говорящего оценочную или иную экспрессию. Чтобы обстоятельства, в которых были сделаны данные высказывания, были ясны и читателю словаря, выделенные составителем псевдозначения могли быть оформлены как констатирующий комментарий к фразам — в скобках: «(о том-то и том-то)».

Ошибка составителя статьи видна ещё и в том, что в примере с помидорами (7) глагол явно не значит 'расти', поскольку является переходным: *вон чё навихаривают*. Здесь невозможна «синонимическая» замена на **вон чё растут*. Фраза скорее должна быть «переведена» как «вон что вытворяют» (*вытворять* = 'делать' — экспрессивно-оценочный глагол с предельно абстрактным значением, который применим к любому интенсивному действию или изменению состояния).

Столь же ненадёжным в том же словаре В. Д. Лютиковой оказывается дробление семантики глагола *юзгаться* (с. 186):

- (1) 'играть на недозволенном месте' (*На койку залезли и юзгаются*),
- (2) 'шумно и суетливо двигаться, шевелиться' (*Слышу, в сенках кто-то юзгается, скрыла дверь, а она картошку рассыпала и собирает*),
- (3) 'излишне медленно и кропотливо делать что-либо' (*Ведь мисес 'месяц' с часам юзгался, так и не сделал*).

Все приведённые контексты глагола допускают безболезненную синонимическую замену на *возиться*, а в толкования включены лишние компонен-

ты: в первое — «на недозволенном месте» (это избыточный момент, определяемый ситуацией и не входящий в значение), во второе — «шумно и суетливо» (характеристика производимых действий никак не вытекает из иллюстрации: собирать рассыпанную картошку можно и без суеты и особого шума).

Будь эти записи диалектными, мы могли бы сомневаться в цельности их значений: конкретнодиалектные ограничения на употребление глагола нам не известны, имеющимися разрозненными описаниями не выявлены. Но обобщение контекстной семантики применительно к записям от одного лица в данном случае более чем допустимо.

Статьи *хороший* — *хорошо* и *худой* — *худо* Вершининского словаря (4: 274–283, 288–291), где чрезмерно подробно для лексикографической работы расписывается применимость этих прилагательных и наречий к различным явлениям, скорее представляют собою стремящееся к исчерпанию логическое исчисление взаимодополнительных параметров осмысляемого мира, чем представление выявленных значений как величин собственного языкового порядка. См.: *худой* — «1. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к человеку, представлениям о норме или идеале: а) с точки зрения физического состояния организма и его частей: некрепкий, нездоровый... б) с точки зрения телосложения: недостаточно полный, с сухощавым телом... // Потерявший нормальную полноту и / или привлекательность, работоспособность вследствие болезни, старости, тяжёлой работы... в) с точки зрения речевой способности... г) с точки зрения внешней привлекательности... д) с точки зрения поведения, обусловленного особенностями психики... е) с точки зрения соблюдения норм общественного поведения (в том числе речевого), требований морали... // О человеке или людях, плохо исполняющих свои обязанности, обязательства в рамках какого-л. социального статуса... ж) с точки зрения комплекса качеств человека, представленных нерасчленённо... 2. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к природным реалиям, представлениям о норме или идеале... 3. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к вещам, предметам, изготовленным человеком, представлениям о норме или идеале... // Приходящий в негодность, ветхость вследствие длительного использования... 4. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к продуктам питания представлениям о норме или идеале... // Теряющий вкусовые качества вследствие длительного хранения... 5. Не отвечающий представлениям о норме или идеале с точки зрения порядка... — — — 8. Вызывающий чувство неудовлетворённости... // О чём-л. оцениваемом с точки зрения содержания, с эстетических или культурно-ценностных позиций...» (всего в статье, исключая прилага-

тельное *худой* в качестве лексикализованного субстантивата и в составе фразеологических единиц, даётся двадцать «значений», «подзначений» и «семантических оттенков»). Не все разновидности и причины «худости», сформулированные в этой тщательной классификации «значений», видятся мне лингвистически релевантными, просящимися в обособленную подачу. Для сравнения можно отослать к статье *плохой* того же самого словаря (3: 56–57): она сделана с гораздо более сдержанным межеванием значений, хотя, думается, соблазн детализирования был велик и в этом содержательно сходном случае.

Подобные словарные «обогащения» семантики имеют понятные причины: лексикограф увлечён своим объектом, может быть, даже безотчётно озачен желанием показать его «в лучшем виде», продемонстрировать читающей публике (учённому сообществу) богатство словарного запаса и словесных значений у облюбованного им индивидуального носителя говора, доказать тем самым оправданность лексикографического обращения специально к данному идиолекту, но не соизмеряет эти извинительные желания с требованиями строгого и по необходимости компактного описания лексики в словаре. Опасность подобной тактики при создании идиолектного лексикона выше, чем в работе над иными словарными жанрами, и должна быть лексикографом твёрдо осознана.

[ii]

Совсем другой момент.

Словарь личности, созданный томскими диалектологами при руководстве и под редакцией Е. В. Иванцовой (полный), от всех прочих диалектных словарей отличается введением индексации, характеризующей слово с точки зрения его функционирования как общерусского (помета «О»), диалектного (помета «Д») или просторечного (помета «П») (определяются и промежуточные случаи: «ДО» — диалектный вариант общерусского слова, скажем, неточно усвоенного заимствования; «ДП» — диалектный вариант просторечного слова...; тонкости комплектации этих групп здесь не всегда прояснимы). Ни в каких дифференциальных идиолексиконах, понятно, такой системы помет предложено быть не может. Для их простановки составители Вершининского словаря за справкой обращались к пользующимся авторитетом нормативным лексиконам — Большому и Малому академическим словарям.

Трудность в том, что помета «**прост**(оречное)», размещаемая обычно в нормативных словарях, очень коварна: ею определяются принципиально разные вещи из-за бездумного смешения двух (по меньшей мере) трактовок

«просторечия». Одна из них социолингвистическая, принятая в московской группе изучения русской разговорной речи (ИРЯ РАН): просторечие — это речь городского жителя, не владеющего языковой нормой. Другая — функционально-стилистическая: просторечие есть сниженный стиль устной речи; при этом вновь не разграничиваются средства вульгарной экспрессии (*фигня, шибздик, хреновый, раскурочить, блевануть*) и формальные факты, стоящие для взгляда извне за пределами литературной нормы, но имманентно, для отправителя речи, нейтральные (*намерение, крыжечка, пластиглас, ехай(те)*)⁸. В широком хождении термина «просторечие» не делимитируются языковые феномены существенно различной природы.

Поэтому в диалектный лексикон, о котором зашла речь, нежелательным образом проецируются разбиения материала, не адекватные языковой реальности: в Вершининском словаре одним и тем же индексом «П» метятся слова *заворотиться, пособить* (стилистически нейтральные, общераспространённые⁹), с одной стороны, *однёрка* ‘маршрут № 1 городского транс-

⁸ Кроме того, теория обычно уклоняется от оприходования целой области эвфемии — мещанизмов: *папаша, по-маленькому, мальчик* ‘кобель’ (выгуливая свою суку, я постоянно слышу: «У вас девочка?»), *купаться* ‘мыться (в ванне)’, *отдыхать* ‘спать’... В нынешних СМИ приобрело характер эпидемии коробящее употребление слов *мама* и *мамочка*, которые из домашних имён, в силу своей интимности не позволительных за пределами данной («нашей») семьи, стали едва ли не единственно допускаемыми: «мама осуждённого», «комитет солдатских мам», «мама NN была талантливым педагогом», «в роддоме молодым мамочкам обеспечен внимательный уход», «многие мамочки жалуются в YouTube на...»; объяснить это можно только восприятием слова *мать* как грубого, в публичной коммуникации нежелательного и нуждающегося в эвфемизации (тот же дурной языковой вкус заставляет многих, в том числе журналистов, избегать нормальных терминов рода *тётка, бабушка, дед* и подставлять вместо них лексику интимного речевого обихода *тётя, бабушка, дедушка*).

⁹ Глаголы *пособить* ‘помочь’ и *заворотиться* в обоих формулируемых в Вершининском словаре значениях — (1) ‘повернуть назад или в сторону’ и (2) ‘загнувшись, приподняться или отвернуться в сторону’ — неоднократно отмечены, по материалам НКРЯ, в авторской речи (первый — у Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Шишкова, Одоевского, С. Аксакова, Герцена, Л. Толстого, Набокова и многих иных добропорядочных сочинителей, вплоть до Менделеева и популяризатора точных наук Перельмана; другой — у Л. Толстого, Тимирязева, Осоргина и др.), поэтому взятая из словарей их характеристика «просторечное» выглядит всё же чересчур отстранительной. Однако значение (2) глагола *заворотиться* в цитируемом издании, на мой взгляд, определено не точно: вряд ли вовлечённый в дефиницию глагол признак ‘загнувшись’ может быть приписан ягодицам («Она-то уж сильно полна, — хёлки [ягодицы] так и заворотились, ну кверху поднялись» — Вершининский словарь 2: 299), в примере несомненно имеется в виду несколько иная их особенность. Формулировка значения (1) также нуждается в уточнении: употреблённый в толковании глагол «повернуть» может быть не только безобъектным (‘изменить

порта' (местное новообразование¹⁰, без установки на экспрессию), с другой, и *блядюга*, *обоссаться* (вульгаризмы разной степени экспрессивности — и чрезвычайно, для приведённого существительного, высокой, и, для глагольного примера, не слишком подчёркнутой, в диалектном бытовом речевом стандарте, особенно если речь о грудном младенце, может быть, близкой к нулю), с третьей.

Не наблюдается в Вершининском словаре и строгости в использовании пометы «Д». Ею, например, метятся общеобиходные слова со стандартной семантикой, прозрачно соотносимой со словообразовательной конструкцией (*понабежать*, *порастащить*, *разваристый*), широко известные фразеологизмы (*(знать, выгнать) поганой метлой*¹¹), слова, восходящие к профессиональной речи (*лёгочник* 'лёгочный больной'), и т. д. Непонятно, почему к диалектным фактам отнесено междометие «физиологического» характера: *á-ха-ха* «звуки, издаваемые при зевании; выражают усталость, желание спать. [Зевает:] А-а-ха-ха!». Об этих просчётах, не катастрофически, впрочем, многочисленных, можно было бы и не упоминать, однако их наличие затрудняет выяснение долевого соотношения диалектной и общезыковой лексики и фразеологии в речи «рядового» (Вершининский словарь 1: 6, 10) носителя диалекта.

Кстати, по моим подсчётам, сделанным по тексту 3 и 4 томов Вершининского словаря, в диапазоне *П — Я*, на 11946 словарных статей (46% всего объёма словаря) приходится 831 помета «Д» («диалектное»; факты, оценённые составителями не как «чисто» диалектные — с пометами «ДО», то есть «диалектный вариант общерусского слова», и «ДП», то есть «диалектный вариант диалектно-просторечного слова», — во внимание не брались). Это, при всех оговорённых и неоговорённых погрешностях статистики, значит, что у обследованной языковой личности активная собственно диалектная лексика и фразеология составляют около 7% зарегистрированного словарно-

---

направление собственного движения», как в иллюстрации, которая даётся словарём), но и переходным (скажем, применительно к рукоятке, рычагу и проч. — 'изменить положение'). Впрочем, это лишь попутные суждения: критические высказывания о подобных неточностях, не связанных с предметом настоящих заметок (лексикографическим жанром), в особые цели здесь не входят.

¹⁰ В СРНГ не свидетельствуется. Деривационным образцом служат номинации вроде (см. в этом же словаре) *семёрка* «название различных видов транспорта под номером "семь"».

¹¹ Кроме Г. Успенского или Шолохова, регистрируется у беллетристов, не замеченных в сильных пристрастиях к диалектизмам, — Трифонова, Приставкина, Евг. Попова, Мариной, Рубиной, Пелевина...

го запаса. Насколько эта цифра отражает некие кодовые стандарты, могут показать лишь дальнейшие аналогичные словарные предприятия. Кроме того, данные о численных пропорциях собственно диалектной и иной лексики в границах индивидуального говора могут быть использованы в так ничем, похоже, не кончившейся полемике о понятии «полудиалект», на котором настаивал уже упомянутый Ф. П. Филин.

Полный словарь диалектоносителя позволяет соотнести различные слои употребляемой им лексики с социальным структурированием языка, и отказываться от такой возможности, которая предоставляется самим лексикографическим жанром, было бы неправильным. Однако сказанное выше, отчасти взывая к поправке ошибочных (или кажущихся мне таковыми) оценок и уточнению аппаратной терминологии, скорее заставляет задуматься об общих основаниях социолингвистического деления языковой стихии на формации и стратумы. Во всяком случае прибегать к понятиям, которые в нормативных словарях, склонных трактовать просторечие как сумму стилистических средств, используются с известной степенью предвзятости — с позиций «изнутри» письменно-литературного идиома¹², не является достаточно оправданным¹³.

Возвращаясь к бегло упомянутым выше «промежуточным» группировкам, которые конструируются составителями Вершининского словаря, думаю, что наряду с диалектными вариантами общерусского слова («ДО») мог быть выделен тип «идиолектного варианта» («ИО»?). Например, зарегистрированный в речи информанта глагол совершенного (!) вида *беспечить* появился по утере части сложного префикса литературным *обеспечить*. В других диалектных словарях найти такую форму не удалось, поэтому не лишено

¹² Ср. определение *просторечия* в том же Малом академическом словаре: (1) «Обиходный язык (в отличие от книжного, литературного как более точного, правильного)»; (2, лингв.) «Слово, грамматическая форма, оборот речи, не являющиеся нормой литературного языка, но употребляющиеся в обиходной речи (в литературных произведениях используются как стилистическое средство для придания шутливого, пренебрежительного, иронического, грубоватого и т. п. оттенка) (разрядка моя. — А. Ж.).

¹³ Моя точка зрения на взаимоотношения литературного языка, просторечия и диалектов с большей подробностью изложена в работе «Влияние русского литературного языка на народные говоры: лексика. (Статья 1)» (в кн.: Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: Социокультурный аспект. М., Институт славяноведения РАН, 2007). В ней, в частности, подвергаются сомнению достоинства и опорная терминологическая система «Словаря просторечий русских говоров среднего Приобья» (1977), который был создан, кстати, начальными сотрудниками диалектологической школы Томского университета.

смысла предположение, что мы сталкиваемся с единичным индивидуальным фактом. Но его трудно зачислить и в окказионализмы — результаты словообразовательного творчества *ad hoc* (*проведальщики* ‘гости, посетители’, *читальщики*), поскольку, в отличие от них, обсуждаемая патологическая форма возникла скрыто для говорящего.

[iii]

Обращение к идиолексикону в исчерпывающем его представлении (или близком к этому качестве), опирающееся на многообразие коммуникативных ситуаций, форм и жанров фиксируемой речи, широкий тематический круг собеседований при высокой степени связности пространственных текстов, полученных собирателями, даёт намного большие возможности для наблюдений над стилистической и прагматической стратификацией единиц словесного кода в пределах выбранной «лектной» формации.

Авторы Вершининского словаря эти возможности выбранного подхода осознают отчётливо. Поэтому не удивительно, что объём таких характеристик, отражённых здесь в перечне предпосылаемых словарным статьям помет, значительно превосходит размеры аналогичных списков в иных, дифференциального толка, словарных изданиях. Если в выборочном идиолектном словаре В. П. Тимофеева обнаруживается менее десятка квалифицирующих помет (отдельным списком они не даются), а в похожем на него словаре В. Д. Лютиковой их всего одиннадцать, то в обсуждаемом словаре томских диалектографов число используемых неграмматических помет заходит в четвёртый десяток. К ним относятся лексикографические ярлыки, отражающие разную меру экспрессивности слова («**экспрессивное**», «**эмоциональное**», «**усилительное**», «**грубое**» — «**смягчительное**», «**эвфемизм**»; «**шутливое**», «**ироническое**», «**ласкательное**»; «**высокое**»); пометы, указывающие на присутствие оценочности в его семантике («**неодобрительное**», «**пренебрежительное**», «**уничижительное**», «**осудительное**», «**бранное**» — «**одобрительное**», «**уважительное**», «**сочувственное**», «**снисходительное**»); пометы, касающиеся ограничений в сфере употребления слова («**детское**», «**официальное**», «**в чужой речи**», а также «**в прецедентном тексте**»); пометы «эстетической оценки» (обычно подробностей человеческой внешности) «**негативное**», «**позитивное**»; пометы, говорящие о степени узуальности лексической единицы («**устаревшее**», «**устаревающее**», «**новое**», «**неосвоенное**», «**окказиональное**»).

Применение всех этих помет в Вершининском словаре требует подробного критического комментирования. Далеко не всегда ясны границы между

выделяемыми семантическими и прагматическими характеристиками, «область компетенции» множества из перечисленных помет: так ли уж велика разница между «**экспр.**» и «**эмоц.**», между «**неодобр.**» и «**осуд.**» и так далее? Непоследовательность в их использовании видна в том, например, что метка «**неосв.**» сопровождает слова *архирей* (!), *демантин* 'дерматин', *илергия* 'аллергия', *курсировать* 'заниматься извозом', *полис* 'документ о медицинском страховании' или *хронительский* 'хронический (о болезни)', но отсутствует в статьях *иверьянка* 'валерьянка', *паларизация* 'паралич', *ретген* 'рентгеновский анализ; рентгеновский кабинет' или *флинтус / флюнтус* 'плинтус'. Одной и той же этикеткой могут метиться ощутимо несходные явления. Так, пометой «**эмоц.**» снабжены, с одной стороны, слова *старичонка*, *старушонка*, *тысчонка* (с неменьшим основанием при них могли быть пометы «уничж.» и «пренебр.»), далее фразеологизмы *ну* [винит. п.] *к холере*, *холера с* [творит. п.] (почему не «экспр.», «бран.» или, как в идиоме *на холеру сдаться*, «груб.»)? Кстати, идиома *холера* [винит. п.] *знат* дана без каких-либо помет¹⁴) — и, с другой, слова *утречком* или *хорошенько*, никакой повышенной эмоциональностью, по всему судя, не заряженные (*утречком состряпаю*; *хорошенько тесто размесить*). Если, например, прилагательное *рваненький* — «**смягч.**» к *рваный* ('рваный — но, так сказать, простительно, с кем не случается?'), то какое конфузное качество «мужчины татарской национальности» и «женщины татарской национальности» «**смягчается**» применением к ним слов соответственно *татарышка* и *татарочка*? К категории «**высок.**», в уравнение их с очевидно цитатными, книжного характера, словами *дева* 'Богородица', *истина*, *святиться*, *святый*, *скончаться*, *сотворить*, *трагически*, *уйти* 'умереть' и под., почему-то оказались отнесёнными слова *смерточка / смёрточка*¹⁵, *скотинушка*, *хлебушко* и даже, что совсем удивительно, *пташка*.

Однако как много бы ни было таких, видимо, неизбежных в лексикографической практике, погрешностей, дело не в ошибочности или двусмысленности квалификаций, касающихся отдельных слов, и не в пересеканности предлагаемых стилистических и прагматических разбиений лексики. На этих

¹⁴ Пунктуальнее было бы, кроме того, отметить, что переменные компоненты этих фразеологизмов, выделенные здесь квадратными скобками, вербуются исключительно из набора личных местоимений, в записанной речи В. П. Вершининой — только третьего лица.

¹⁵ Если бы наряду с глаголом *скончаться* в речи информанта было зарегистрировано действительно «высок.» существительное *кончина*, составители словаря, может быть, задумались бы, снабжать ли слова *смерточка / смёрточка* той же метой.

поправимых моментах можно не задерживаться. Важной представляется готовность к принятию того обстоятельства, что полный лексикон в отличие от дифференциального предоставляет возможность намного более тонкого и детального стратифицирования словесного материала, выявления межсловных семантических и прагматических связей, улавливания зависимостей, которые при ином подходе если и не остаются незамеченными, то поддаются формулированию с большим трудом, в модусе скорее предположительном, чем доказательном. Список помет в Вершининском словаре по сравнению с другими диалектными словарями решительно увеличен. Несмотря на спорность некоторых дихотомий и нередкие, как видим, просчёты исполнения (неубедительное маркирование конкретных случаев), он включает и несомненно удачные решения. К таковым я отнесу, например, серию помет, указывающих на чужеродность (цитатность) лексического или фразеологического факта в регистрируемом текстовом потоке (прежде всего «в чужой речи», «официальное» и «в прецедентном тексте») и углубляющих измерения как кода, так и реализующего его текста.

[iv]

В отличие от иных диалектных лексиконов (сводных словарей, словарей отдельных говоров и их групп, дифференциальных «словарей языковой личности») полный словарь диалектной личности, опирающийся на обширный корпус текстов, поддающийся обсчёту, даёт возможность наблюдений над употребительностью в речи составляющих его единиц. Численные сведения о встречаемости слова, делая избыточными пометы вроде «редкое», «малопотребительное» и выводя описание из вынужденной атмосферы импрессионистичности, вносят несравнимо более высокую точность в исследование словарных расслоений и позволяют говорить о представлении лексического состава идиома в его функциональной динамике. В Вершининском словаре приводятся количественные показатели применительно к каждому выделенному значению полисемантического слова, и это лишь усиливает его значимость как системного в своих установках предприятия. В послесловии к Вершининскому словарю (т. 4) сообщается о подготовленности «Частотного идиолектного словаря», который, сделав квантитативные показатели соотносительными и приблизив их к собственно «статистическим», позволив вычленение ядерного и периферийных слоёв лексики в данном идиолекте, серьёзно облегчит использование количественных данных в целях полновесной обрисовки феномена «языковой личности».

* * *

Жанр полного идиолектного словаря, обладая собственной лексикографической спецификой, рождает новые аспекты изучения лексики, в числе которых фигурирует не только слово как элемент кода, инвентаризацией которого замыкаются задачи большинства лексикографических изданий (диалектных — как правило), но и слово в дискурсе.

Следует думать, что дальнейшее развитие идиолектного словарного дела (если — сделаю необходимую оговорку! — у него сохраняются перспективы, не зависящие от самой диалектологической науки) будет вести и к уточнению лексикографического аппарата, и к выработке более надёжных приёмов системного анализа индивидуальной диалектной речи и специально её словесного состава. Как самостоятельный жанр полный словарь диалектной личности выглядит достаточно эффективным инструментом исследования. Так или иначе, первую реализацию словарного типа, которому по большей части оказались посвящены настоящие заметки, переоценить трудно.

Сокращения названий диалектных словарей

- Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. М., 1980–. Т. 1–.
Дополнение к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Пермский словарь — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 1999. Вып. 1.
Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., СПб., 1967–. Т. 1–.
Словарь Русского Севера — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Т. 1, 2; Л. (СПб.), 1968–. Т. 3–.

Summary

Anatoliy Zhuravlev

Dialectal dictionary of personality

(Notes on features of the genre)

The article clarifies the concept of 'language personality', briefly discusses its applicability to the carrier of dialect and considers the features of dialectal idiolectal lexicography based on available samples of Russian differential and complete individual dictionaries. It is argued that the dictionary of the dialectal personality in the true sense of the word can only be a full-length dictionary (non-differential).